

РОЖДАЕМОСТЬ ПО ОЧЕРЕДНОСТЯМ РОЖДЕНИЯ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ДИНАМИКИ И ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ

Ирина КУРИЛО, доктор экон. наук,
Профессор ИДСИ им. М.В. Птухи НАН Украины
iryna.kurilo2017@gmail.com

Ольга ГАЛИЦА, магистрант
КНУ им. Т. Шевченко
halytsya2009@ukr.net

The article is aimed to consider the factors of parity-specific fertility in Ukraine and other European countries over 50 year period. It presents the characteristics of the long-term dynamics of total fertility by birth order. The relative lack of economic factors' effect on the dynamics of the fertility by the first order in Ukraine is substantiated. It establishes that the greatest distinctions between the former socialist and the developed countries were observed in the indicators of the fertility by the third order. The method of time series decomposition were applied to total fertility by birth order to reveal the degree of influence of periodic economic shocks (crisis phenomena) and pro-natalist policies on the dynamics of fertility. The article shows that it is the socio-cultural dynamics that underlies the long-term trends of the fertility dynamics and the number of children in families in a particular society.

Key words: fertility by birth order, dynamics of fertility, time series decomposition, regional differences of fertility by birth order, economic factors of fertility, social and cultural determinants, demographic policy

JEL classification: J13

В социально-демографических исследованиях, посвященных проблематике формирования семей и рождаемости как в глобальном, так и локальном (в т.ч. страновом) контексте, центральное место занимает вопрос о факторах динамики и структурных сдвигов в рождаемости. Однозначное решение этого вопроса сопряжено как с трудностями содержательного характера (выявление иерархии разных факторов, их взаимосвязей/соподчиненности, специфики механизмов влияния и т.п.), так и с методическими и информационными проблемами и пр. Причем, невзирая на всеобщее признание фундаментальной роли факторов социокультурного характера в детерминации детородного поведения, в исследованиях текущей динамики рождаемости акцент неизменно делается на влиянии экономических факторов, особенно в случае резких социально-экономических изменений, зачастую – без оглядки на специфику их влияния, а также степень значимости и место в системе регуляторов демографического поведения.

Поэтому немаловажной при исследовании современных детерминант рождаемости представляется необходимость сосредоточить внимание преимущественно на социокультурных факторах как динамических изменений, так и территориальных различий рождаемости. Наиболее общим обоснованием этого тезиса может служить авторитетное мнение о том, что ведущую роль в

демографической динамике на этапе демографического перехода, связанном с трансформациями брачно-семейных отношений и рождаемости, играют именно социокультурные предпосылки соответствующих изменений, глубинные сдвиги в системе ценностей и в стилях жизни [1]. На индивидуальном уровне значимо также то, что «...ценностные выборы людей основываются на их преференционном мышлении, которое формируется в молодом возрасте и функционирует в течение всей жизни...вбирает в себя не только надлежащее, но и желаемое, связанное с относительно независимым выбором человека...и с формированием представлений о том, чего стоит желать» [2, С.91-92]. При этом «.... вопросы ценностей особенно ощутимы в значимых пунктах человеческой экзистенции, при принятии судьбоносных решений» [2, С.92], к числу которых относятся и решения о рождении детей. Таким образом, именно социокультурная динамика, изменения, затрагивающие культурную ментальность, лежат (наряду с иными постоянно действующими факторами) в основе долговременных трендов рождаемости и детности семей в обществе.

При сколько-нибудь глубоком изучении детерминации рождаемости в той или иной стране в большинстве случаев недостаточным является оперирование лишь обобщающими показателями, не дифференцированными по разным структурным признакам совокупности новорожденных или же их матерей. Так, к примеру, результаты репродуктивной деятельности доступных для исследования когорт украинских женщин, родившихся после Второй мировой войны, подтверждают то расхожее мнение, что в нашей стране здоровая в репродуктивном отношении женщина/супружеская пара на рождение первого ребенка решается практически всегда (при любых экономических условиях), в чем немалую роль играет стремление соблюсти минимальную социальную норму детности⁷. Когортная вероятность рождения первого ребенка в Украине устойчиво выше, а вероятностей рождения последующих рождений – ниже, чем в развитых европейских странах [3, С.42]. Динамика календарных показателей рождаемости в нашей стране также демонстрирует, что при значимых падениях ее уровня структурные сдвиги в основном согласуются с закономерностью, согласно которой «эластичность спроса» на последующих детей ощутимо ниже (в частности, при ограниченности финансовых средств), чем «эластичность спроса» на первого ребенка. Соответственно, эти сдвиги проявляются в перераспределении рождений «в пользу» первенцев на фоне более интенсивного откладывания вторых-третьих рождений, в ряде случаев – с последующим отказом от них (вероятность которого зависит от длительности и интенсивности влияния неблагоприятных внешних факторов). Вышеупомянутое свидетельствует о том, что при изучении как относительно недолговременных конъюнктурных колебаний рождаемости, так и долговременных трендов и их детерминант целесообразно прежде всего рассматривать показатели, дифференцированные по очередности рождений.

Распределение рождений по очередности— важнейший признак для углубленного изучения рождаемости. Как уже упоминалось, отличительной

⁷ То, что данная социально-психологическая особенность была присуща детородному поведению и в других странах постсоветского пространства, подтверждает, в частности, мнение ученых из этих стран [3].

структурной чертой рождаемости по данному признаку в Украине является традиционно высокая доля первенцев среди новорожденных, которая к тому же имеет «склонность» к повышению в периоды экономических шоков и социальных потрясений. Это обстоятельство, а также та особенность, что в странах постсоветского пространства определенная социальная норма относительно рождения детей (в частности, обязательного наличия хотя бы одного ребенка) соблюдалась более строго, чем в развитых европейских странах - «более либеральных и толерантных к различиям в индивидуальном поведении в области формирования семьи и рождаемости» [4, С.70] – косвенно подтверждает сравнение вклада первенцев в суммарную календарную рождаемость в Украине и некоторых других европейских странах (рис.1).

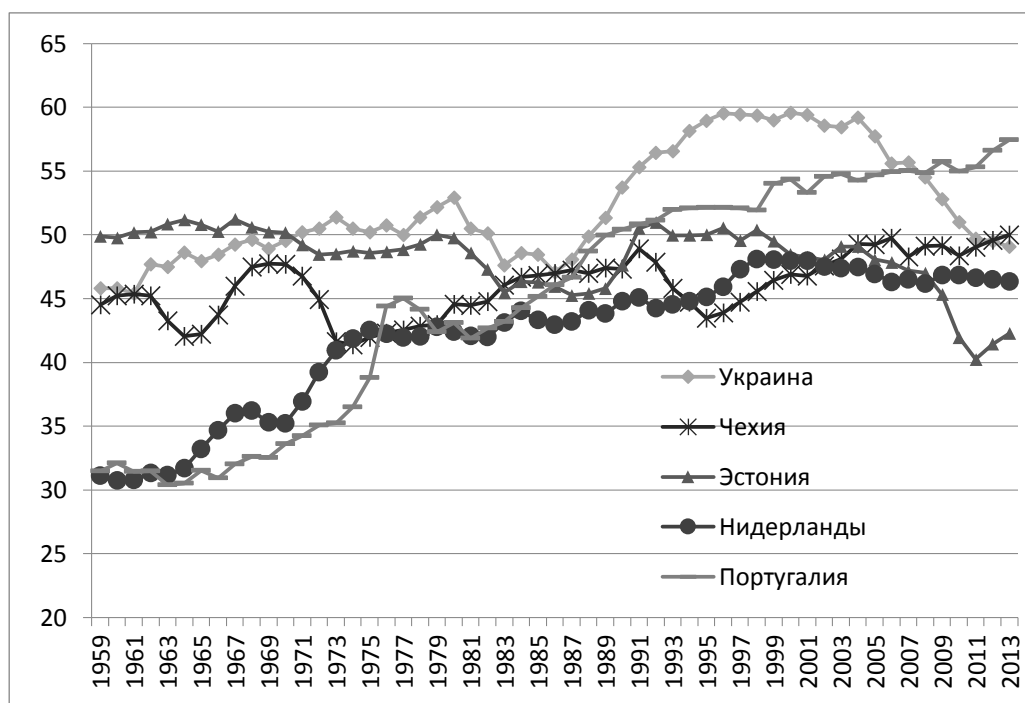

Рис. 1. Вклад новорожденных первой очередности рождения в суммарную рождаемость в Украине и некоторых других европейских странах в 1959-2013 гг., %

Источник: расчеты по данным Human Fertility Database

Как видим, наблюдаемую в послевоенный период конвергенцию рождаемости по данному показателю ближе к рубежу веков нарушили экстраординарные социально-экономические события 1990-х в постсоциалистических странах, влияние которых было наиболее ощутимым в Украине и других государствах бывшего Союза.

Наименьшую (хотя и ощутимую) вариабельность по европейским странам и в динамике по сравнению с другими очередностями рождения обнаруживает вклад в суммарную рождаемость вторых детей: за исследуемый более чем полувековой период он колебался от максимально достигнутого в Чехии в 1973

г. уровня 2/5 до минимального - около 1/5, присущего Португалии в конце 1950-х—начале 1960-х годов. Отметим, что в Украине локальный минимум вклада вторых рождений за последние полвека (29,7%) был зафиксирован в году наименьшей суммарной рождаемости в нашей стране – 2001-м.

Наиболее же разительные отличия между бывшими социалистическими (и собственно советскими) странами и остальными рассматриваемыми европейскими государствами еще полвека назад наблюдались именно по вкладу детей более высоких очередностей рождения в суммарную рождаемость (рис.2). Вторая, а также третья и последующие очередности продемонстрировали за полувековой отрезок времени неуклонную и весьма значительную конвергенцию значений данного показателя по рассматриваемым европейским странам.

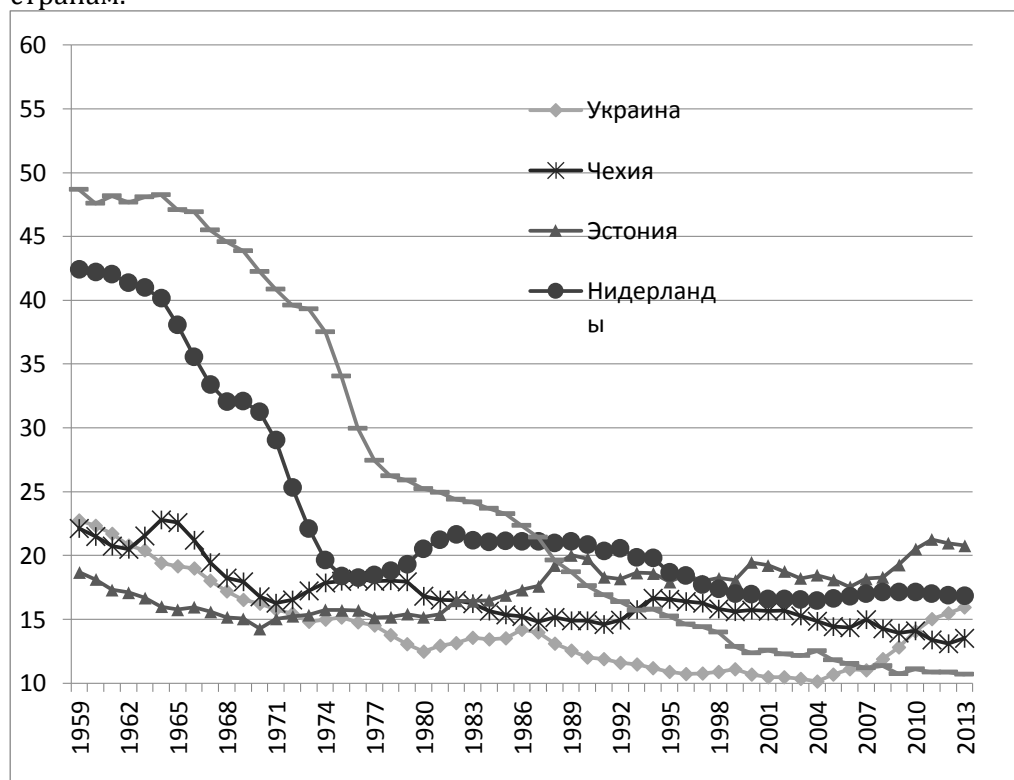

Рис. 2. Вклад новорожденных третьей и последующих очередностей рождения в суммарную рождаемость в Украине и некоторых других европейских странах в 1959-2013 гг., %

Источник: расчеты по данным Human Fertility Database

Динамика суммарных показателей рождаемости по рассматриваемым развитым странам демонстрирует, что резкое падение ее уровня в них началось заметно раньше, чем в республиках бывшего Союза, и наиболее высокими темпами шло в конце 1960-х-первой половине 1970-х годов именно по высоким очередностям рождения, изначальные уровни рождаемости по которым были выше, чем в «социалистическом лагере». Однако же и в пределах последнего наблюдались заметные различия в процессах перехода к сверхнизкой

рождаемости, обусловленные как социокультурной спецификой отдельных стран, так и нарушением эволюционного течения процесса вследствие экстраординарных событий, попыток переломить тенденции с помощью средств демографической политики и т.п. Так, например, в Чехии активизация пронаталистской политики после событий «Пражской весны» [5] привела к подъему суммарной рождаемости, в особенности – по второй, а отчасти – и более высоким очередностям рождения и, по-видимому, замедлила процесс перехода к сверхнизкой рождаемости; в бывших советских республиках стагнационные тенденции рождаемости в целом и ее наметившийся спад по вторым детям (во второй половине 1970-х) попытались «пресечь» путем пронаталистских мер первой половины 1980-х. Но и в разных республиках (в нашем случае – Украине и Эстонии) при общем сходстве траекторий динамики рождаемости имели место хронологические несовпадения в динамике и в особенности различия по структурным признакам (прежде всего - очередности, а также доле внебрачных рождений и пр.⁸), преимущественно обусловленные социокультурным своеобразием.

Опыт перехода к сверхнизкой рождаемости в постсоветских странах с начала 1990-х годов едва ли не наиболее рельефно продемонстрировал значимую роль импорта новых норм и образцов брачного и детородного поведения в демографическом развитии. Думается, этот эффект «подражания» современным образцам поведения и стилям жизни является «частным случаем» информационного обмена открытой социальной системы (каковой стало население этих стран) с внешней средой, ведь открытые социальные системы существуют и развиваются именно за счет питания потоками ресурсов и информации, поступающими из внешней среды. При этом ресурсами для обмена могут выступать как ценности и нормы (в частности, демографического поведения), так и собственно человеческие ресурсы (мигранты), примером чего служат как относительно менее развитые страны, находящиеся на более ранних этапах глобального демографического перехода, так и в сообщество европейских государств с различным уровнем социально-экономического развития.

Следует иметь в виду, что в динамике рождаемости за исследуемый период определенную роль, наряду с общими относительно устойчивыми детерминантами, сыграли недолговременно-конъюнктурные, периодически действующие факторы, природа и специфика воздействия которых в разных странах могла быть различной. Для того, чтобы оценить динамику суммарной рождаемости в Украине с этих позиций мы предприняли попытку использовать для выделения ее длительных тенденций фильтр Ходрика-Пресскота⁹. Результаты разложения временных рядов показателей суммарной рождаемости по очередностям рождения на трендовую и периодическую составляющую представлены на рис 3.

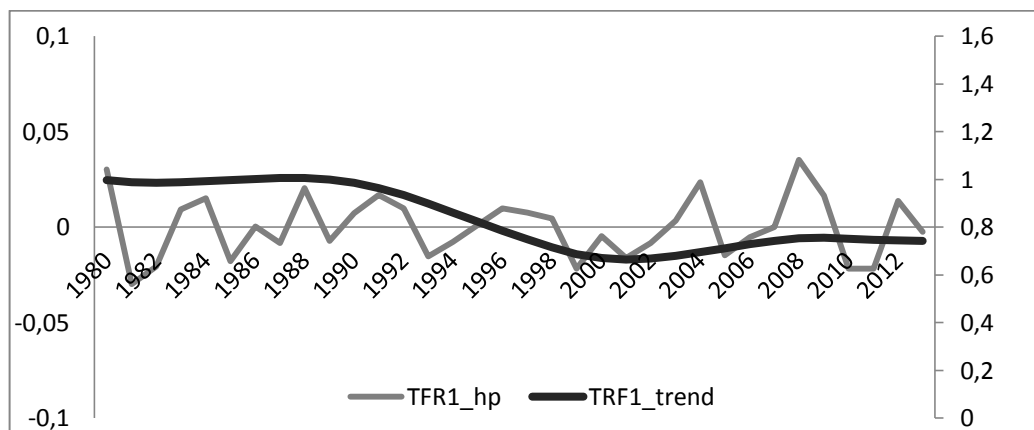
При их рассмотрении привлекает внимание усиление вклада периодической составляющей в периоды, ассоциируемые с введением мер

⁸ Так, например, в той же Эстонии еще с 1960-х годов заметное распространение получили консенсуальные брачные союзы, рождения вне зарегистрированного брака и т.п.

⁹ Чаще всего используется для сглаживания рядов макроэкономических показателей с целью выявления трендов и циклических колебаний.

пронаталистской политики и реакцией населения на них (как-то: первая половина 1980-х годов; 2005, 2008-2009 гг.), что выглядит вполне закономерным с учетом того обстоятельства, что активизация пронаталистской политики в Украине имеет периодический характер и применяется как «симптоматическое лечение» после падений уровня рождаемости (в том числе вызванных неблагоприятными экономическими сдвигами). Показательно также, что тренды суммарной рождаемости по второй-третьей очередностям рождений на этапе падений (а также и подъемов) демонстрируют более драматичную (крутую) траекторию динамики, нежели таковые по первенцам. Это подтверждает относительную независимость уровня рождаемости по первой очередности от конъюнктурных факторов (социально-экономических шоков, фазы экономического цикла и пр.), а также периодических пронаталистских «вливаний», ее преимущественную «укорененность» в вышеупомянутой системе социальных норм, касающихся семьи и детности.

Результаты изучения трендов и периодической компоненты суммарных показателей рождаемости (с учетом очередности рождения) по другим исследуемым странам подтверждают выявленные особенности в том смысле, что значимые отклонения от тренда показателей суммарной рождаемости здесь также приходится преимущественно на «пиковые» годы общественно-политических трансформаций, сопровождающиеся кризисными явлениями в экономике, как-то: «Революция гвоздик» (1974 г.) и падение диктатуры в Португалии (сопровождавшиеся возвратом молодежи из португальских колоний и всплеском по первым рождениям в последующие пару лет) [6]; начало трансформаций в постсоциалистических странах после развала СССР (первая половина 1990-х). Вклад периодической составляющей в этих странах увеличивается также в периоды активизации демографической политики (Чехия (начало 1970-х), Эстония (начало 1980-х)). Но избежать слишком «грубых» предположений и обобщений относительно ретроспективного и современного развития событий в этих странах можно лишь на основе более глубоко историко-демографического анализа, учета конкретных факторов и их действия на разных этапах становления и развития демографических тенденций.

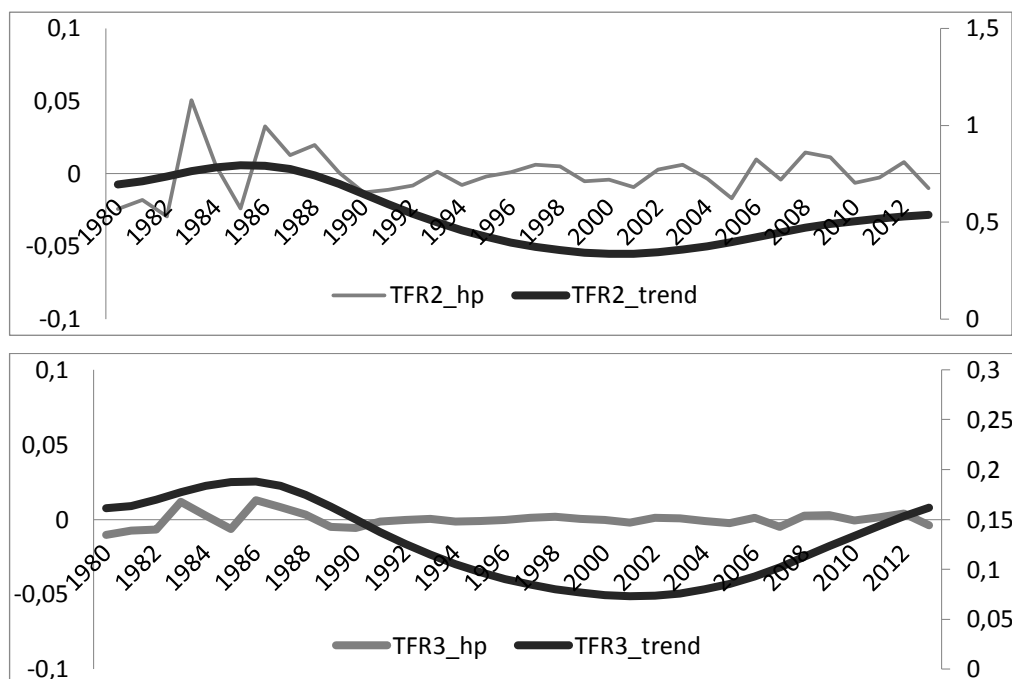

Рис. 3. Трендовая (TFR_trend) и периодическая (TFR_hp) составляющие временного ряда суммарного коэффициента рождаемости по первой, второй и третьей очередностям рождения в Украине в 1980-2013 гг.

Источник: авторские расчеты по данным Human Fertility Database

Таким образом, социокультурная детерминация рождаемости ассоциируется с ее фундаментальной, относительно устойчивой составляющей и столь же долговременными поступательными трендами динамики рождаемости и уровня детности семей в том или ином обществе. Социально-экономические факторы также являются постоянно действующими и продуцируют те социальные и материальные возможности (или же, напротив, барьеры) для реализации репродуктивных установок, которые «накладываются» на соответствующий социокультурный фон. Результаты влияния социально-экономических шоков и трансформаций, а также периодических «симптоматических» мер пронаталистской политики ассоциируются преимущественно с конъюнктурными колебаниями уровня и структуры рождаемости, по большей части – сравнительно недолговременными. Резкие экономические и общественно-политические сдвиги модернизационной направленности могут выступать катализатором современных трансформаций рождаемости (как свидетельствует пример Португалии или постсоветских стран). Исходя из этого, следует осознавать, что положительный эффект пронаталистской политики, базирующейся исключительно на мерах материального/финансового стимулирования детородной активности, является довольно кратковременным и связанным, главным образом, с устранением материальных преград для рождения желаемых детей, а вот их число зависит не столько от конкретных экономических условий жизнедеятельности, сколько от факторов социокультурного характера, относящихся к системе ценностей.

Литература:

1. Lesthaeghe R. The Unfolding Story of the Second Demographic Transition.- Population Studies Center Research Report 10-696, January 2010.- 46 p.
2. Смыслова морфологія соціуму /За ред. Н. Костенко. — К.: Інститут соціології НАН України, 2012. — 420 с.
3. Курило І. Народження других та третіх дітей в Україні: реальні та умовні покоління жінок// Демографія та соціальна економіка. -2018. - №2(33). – С.38-52.
4. Малева Т.М., Синявская О.В. Социально-экономические факторы рождаемости в России: эмпирические измерения и вызовы социальной политике//SPERO. - №5, осень-зима 2006 г. – С. 70-97.
5. Sobotka T., Šťastná A., Zeman K., Hamplová D., Kantorová V. Czech Republic: A rapid transformation of fertility and family behaviour after the collapse of state socialism // Demographic research. –2008. -Vol. 19, article 14.– pp. 403–454.
6. Almeida, A.N. De, André, I.M. & Lalanda, P. Novos padrões e outros cenários para a fecundidade em Portugal.// Análise Social. - Vol. 37, No. 163, Famílias (Verão de 2002).- pp. 371-409.